

МАША
МАЛИНОВСКАЯ

МОЙ СВОДНЫЙ
ХУЛИГАН

МОЛОДЕЖНАЯ ПРОЗА

Маша Малиновская
Мой сводный хулиган

«Автор»

2022

Малиновская М.

Мой сводный хулиган / М. Малиновская — «Автор», 2022

– Итак, – начал вкрадчиво и негромко. – И что это была за фигня, Ни-ку-ля? Вот же гад, знает, что не люблю, когда меня так называют. Специально же!

– О чём ты? – спросила я невинно, сложив руки на груди в попытке хоть как-то отгородиться от него и перестать дрожать от его близости. – Ты знаешь. Прекрасно понимаешь, о чём я. Какого чёрта ты трёшься с этим слюнявым пижоном и делаешь вид, что вчера не плыла в моих руках? Отец решил, что парень из детдома может вывести его футбольную команду в Первую Лигу, и теперь в нашем доме появился он – Артур Якушев. Наглый, бесцеремонный и заносчивый. Ведёт себя так, будто он здесь главный и у него есть тысяча причин ненавидеть меня. Каждый день рядом с ним невыносим, но каждую ночь я почему-то думаю о нём... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Маша Малиновская

Мой сводный хулиган

Маша Малиновская

* * *

Глава 1

Что обычно родители дарят своим чадам на совершеннолетие? Зависит от их возможностей, конечно. Это может быть новая модель смартфона, путешествие или даже автомобиль.

А мне мои подарили сводного брата. Да, именно так. Заносчивого оборванца, решившего, что он может указывать, как мне жить.

У меня всё было прекрасно: медаль, поступление, родители, друзья. Даже парень. А тут появился этот! И почему-то решил, что теперь всё будет по его.

Только я с ним соглашаться не собираюсь. Я не привыкла к конфликтам, тем более в собственном доме, где для меня всегда была зона комфорта и спокойствия. А теперь я больше не чувствую дома себя в безопасности, это место превратилось в поле боя, когда каждую секунду приходится быть в напряжении.

Он – наглый и заносчивый, холодный, словно лёд. Кажется, будто у моего сводного брата есть тысяча причин ненавидеть меня, хотя я не могу понять ни одной. Почему? За что? Что плохого я ему сделала?

Это вопросы без ответов. Тупик, из которого ни я, ни, похоже, он не знаем, как выйти.

...

Артур

– Якушев, тебя тренер хочет видеть, – Ритка бросила мне мою спортивную куртку, когда я вышел из раздевалки. Забыл забрать после тренировки.

– Сейчас найду, спасибо, – я наклонился и чмокнул её в подставленные губы, а потом щёлкнул по носу.

Вообще, такое мне не по нутру, но я обещал. С Ритой мы расстались уже пару недель как по обоюдному согласию. Поняли после пары месяцев отношений, что вместе нам сложно. Тем более, скоро выпуск. А точнее, через две недели, и Рита очень просила не афишировать наш разрыв до выхода из детдома.

Не совсем понял, зачем ей это, но согласился. Может, не сильно хочет подкатов. Короче, скоро спокойно выпустимся и разойдёмся каждый в свою сторону.

Я подошёл к тренерской и постучал. Вошёл, получив разрешение.

– Максим Романович, вызывали?

Тренер сидел за столом и что-то внимательно читал с экрана компьютера.

– Садись, Артур, – кивнул мне на кресло, не отрывая взгляда от экрана.

Я украдкой посмотрел на часы – через десять минут должен быть автобус. Опоздаю к ужину, придётся терпеть до завтрака, а жрать хотелось неимоверно после трёхчасовой тренировки. Однако, спорить с тренером я был не намерен, он многое сделал для меня, так что я молча опустил в кресло и принялся ждать. У меня были догадки о теме нашего разговора. И если я прав, он будет не из приятных.

– Итак, – тренер отодвинул от себя блокнот и вперился в меня взглядом. – Расскажи-ка мне, Артур, о своих дальнейших планах после выпуска.

А что ему рассказать? Я знаю, что он прочит мне большое будущее в спорте. За последний год наша команда многого добилась. Я слышал, что Максим Романович вообще собирался уходить из тренерства, но за этот год передумал, потому что нежданно негаданно для него замаячила перспектива выйти если не в Первый Дивизион ФНЛ¹, то как минимум во Второй.

– А что рассказать? – я пожал плечами, выдержав тяжёлый взгляд тренера. – Через две недели выпускной. Получу аттестат и поеду домой.

¹ Первый Дивизион Футбольной национальной лиги. Выше в пределах государства только премьер-лига.

– А дальше?

– Найду работу.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Ну а что он хотел услышать? Выбора у меня нет. Детство закончилось, восемнадцать уже стукнуло два месяца как, осталось полмесяца доучиться и прощай детский дом.

– То есть ты готов вот так всё похерить, Артур? – тонкий карандаш хрустнул, сломавшись под давлением крепких пальцев тренера. – Спустить в унитаз все достижения, перспективы, надежды? Всё то, к чему я вёл тебя последние два года?

Лучше об этих перспективах было и не думать. И так тошно. Это не мой мир, я просто немного заглянул в него, но пора было и честь знать.

– А у меня нет выбора, Максим Романович.

Я знал, что он будет злиться, когда поймёт, что я не собираюсь идти по линии спорта дальше. Никакой речи о высшем образовании и карьере в футболе быть не может в моей ситуации, как бы я этого не хотел. Даже мечтать себе запретил. Не для меня. Точка.

– Что значит, нет выбора? – я видел, как выступили вены на лбу тренера, он был в ярости, с трудом себя сдерживая. – Ты же можешь в Академию поступить. Я разговаривал с директором интерната, он сказал, у тебя хорошие оценки. А планы наши? А новый сезон? Тебе путь не то чтобы в премьер-лигу, мальчик, ты в сборную попасть можешь, если пахать будешь. А пахать ты умеешь.

Я не воспринимал серьёзно его слова, хотя он и раньше это говорил и не раз. А зачем? Всё равно это не мой путь. Так зачем тратить время и нервы на глупые воздушные замки?

– Потому что это далёкие перспективы, а деньги мне нужны сейчас, – ответил я тренеру честно. – Я не могу ждать. И так ждал целых два года.

Это правда. Я действительно ждал эти два года, которые провёл в детском доме, с нетерпением, когда смогу выйти и, наконец, начать зарабатывать деньги. Не праздности ради.

– Можно подробнее, Артур? Я в тебя слишком много вложил, чтобы вот так ты сейчас слил мою работу и команду.

Я об этом говорить не любил, но тренеру не мог не сказать, если уж спросил. Максим Романович действительно многое сделал для меня. Заметил, как мы с парнями гоняли мяч на детдомовском небольшом стадиончике, когда в рамках какой-то благотворительной акции приехал в наш детдом. Договорился с завучем, чтобы меня и Петьку Брыкина отпустили к нему на пробную тренировку. Принял в свою команду, научил тому, чему не учит дворовой футбол.

Я вздохнул, снова бросив взгляд на часы. Автобус уже ушёл, что ж, придётся топать пешком, а поем уже утром.

– Два года назад толпа обдолбанных малолеток искалечила моего старшего брата, который по доброте душевной их подкармливал время от времени, – я посмотрел на тренера, он внимательно слушал. – Избили, пырнули ножом, повредили что-то там в позвоночнике. Паша стал инвалидом, содержится в хосписе. Меня отправили в детдом, когда всё это произошло, потому что он был моим опекуном. Мамы нет давно.

– А отец?

– Вообще не в курсе, кто он и где. В свидетельстве не прописан.

– Дальше, – Максим Романович кивнул, давая знак, что принял информацию.

А я продолжил уже как-то на автомате. Потому что эмоции – слабость.

– А дальше потребовалась операция. Что-то там после травмы у брата давит, осколок кости, как я понял. Но бесплатно такое не делают. И чем дальше, тем меньше шансов, что после лечения брат сможет вернуться к нормальной жизни. Так что мне некогда ждать, Максим Романович, некогда гонять мяч и корпеть над книгами, пока мой брат овощем лежит в хосписе.

Тренер замолчал и опустил глаза в свой блокнот. Не думаю, что он там что-то читал, скорее обдумывал сказанное мною. Да что тут думать было? Я надеялся, он поймёт меня и не станет держать обиду, что я не оправдал его надежд.

– И где же ты, Артур, собираешься столько заработать? – он снова поднял на меня взгляд и сузил глаза. – Ты хоть примерно представляешь, сколько будет стоить такая операция, уход, реабилитация? Куда ты пойдёшь? Разнорабочим на завод? Траншеи копать? Без образования и навыков. Что ты умеешь, мальчик?

Он встал и скрестил руки на груди, огромной машиной нависнув надо мной. Я не ожидал от него сочувствия, но уж и такого презрительного тона тоже.

– Чему-то да научусь, – я тоже встал. – Вариантов у меня всё равно нет.

Максим Романович замолчал, но взглядом не отпускал. Смотрел несколько секунд внимательно и цепко.

– А что если есть? Варианты. Такие, что устроят и тебя, и меня.

Звучало весьма сомнительно, но моя ситуация была такова, что выбор у меня и правда был очень и очень скудный.

Я тоже сложил руки на груди, непреднамеренно отзеркалив тренера.

– Слушаю.

Глава 2

Я вышел за ворота спортивного комплекса и глубоко вдохнул. Было уже очень тепло, весна, как никак, уже заканчивалась. А летняя жара ещё не успела выжечь зелень, так что вокруг всё было очень ярким, сочным, насыщенным. Конец весны – моё любимое время года, когда уже достаточно тепло, чтобы скинуть зимние шмотки, но ещё не жарко.

На автобус я уже опоздал, так что к ужину можно уже было не торопиться. Написал сообщение воспитателю, что буду с тренировки позже, потому что иду пешком.

“Вернись до отбоя, Артур” – прислала мне Ирина Васильевна.

Вообще-то правила у нас строгие, потому что детский дом показательный. Ну в том плане, что как ни праздник или акция, то все шишки города и области прутся к нам, чтобы сделать пару сотен фото на вручении бедным сироткам очередного конструктора или набора альбом-краски. А если рыбка покрупнее хочется засветиться, перед местными выборами, допустим, то и целый спортивный комплекс могут подарить или ремонт крыла.

Всё чисто, выхолощено, натёрто до идеала и блеска. Днём. А ночью... ночью в таких заведениях своя жизнь.

Говорят, дети в детских домах более независимые и самостоятельные. Только ложь всё это. Я попал сюда в шестнадцать и понял, что они почти ничего не знают о жизни. Особенно те, кто тут с малых лет.

Они не знают, как жить, потому что живут по распорядку, потому что понятия не имеют, откуда и как всё происходит в реальной жизни. Слышали, но сами не пробовали.

А скоро выпуск. И карта с “сиротскими”. И сломанные пальцы за пин-код от тех, кто уже прохавал это всё пару лет назад.

А если повезёт остаться при своих, то что дальше? Нет опыта, как вести быт, как готовить еду, как организовать себя, чтобы пойти учиться или работать. Не у всех так, но у многих. Отсюда и ужасная статистика по выпускникам, которую и вести никто сильно не хочет.

Ритка в детдоме с семи лет, и иногда, слушая её мечты о “за забором”, я поражаюсь, насколько они бредовые. Но Ритка умная, набьёт пару шишек и поймёт, что к чему. Должна.

Я отсылаю воспетке плюстик, её подводить нельзя. Иногда нас, старших, отпускают, тем более, кому уже есть восемнадцать до выпуска. Но подставлять тех, кто к тебе лоялен, нехорошо.

Набросив спортивную мастерку, я перешёл дорогу и направился по тротуару вдоль, раздумывая над произошедшим накануне разговором.

– Усыновить или взять под опеку, Артур, я тебя уже не могу, потому что ты совершеннолетний, – сказал тренер. – Но, считай, это почти то же самое.

Почти, да не совсем. Ничего не делается просто так, и любой ищет свою выгоду. По крайней мере, я безвозмездных благодетелей не встречал.

Если только... она.

Максим Романович хороший человек. Довольно открытый, справедливый, в меру строгий, как тренер. А ещё тщеславный.

Я слышал, что в молодые годы он из-за травмы не смог стать участником крупной команды, хотя ему прочили довольно перспективное спортивное будущее и тем обиднее было. И тогда он ушёл в тренеры. Покорить поле ему самому не светило, и Максим Романович мечтал сделать это с тренерского поста. Только вот годы шли, а выстрелить всё никак не удавалось. Насколько мне известно, он собирался доработать два года до выслуги и уйти, потому как работа тренером – не его финансовая база для жизни, а так... самореализация, которая так и не складывалась.

Но именно за последние два года, к удивлению самого Максима Романовича, наша команда стала давать жару. Мы проходили один отборочный за другим и даже Первенство России юношеско-молодёжной лиге замаячило вполне реальной целью.

Конечно, приходилось пахать, иногда до кровавых соплей, но результат того стоил.

И самое интересное, что причиной этого толчка команды тренер назначил для себя самого меня. Получалось, конечно, что греха таить, потому что куда ещё мне было всё это выплёскивать? Нужно было занять себя максимально, выкладываться во что-то на полную, чтобы эти два года пролетели как можно быстрее. Но тренер не прав, парни тоже достойны.

Однако, и грядущим провалом в карьере, вера в которую у него воспряла, он попрекнул меня, потому что я совсем скоро собирался свалить.

Амбиции, достижения – это прекрасно. Я бы очень хотел продолжить, хотел бы выучиться, выбраться из дерьма, увидеть, каково это может быть – на той стороне жизни. Но я не могу.

Не мог оставить брата гнить, являясь заложником собственного тела и отсутствия денег. Я должен вытащить его. Обязан. Как тащил он нас после смерти мамы.

И я отдавал себе отчёт, что деньги просто так в руки не придут. Придётся пахать, а это я умел.

И вот тренер со своим предложением. Он сказал, что у меня три дня для принятия решения.

– Подумай, Артур, это ведь совсем другие бабки. Не копейки, которые ты заработаешь на заводе или в шахте. Да, не сразу, понадобится время, думаю два-три года, но ты же не думаешь, что так быстро заработаешь брату на операцию и реабилитацию, вкалывая где-то по двенадцать часов на станке или с лопатой в руках?

В его словах я видел логику. Он честно озвучил причину, что не готов просто так позволить мне спустить его удачное вложение сил в сортир, то есть надежд на благотворительность мне питать не стоило.

– Мы даже сможем обсудить перевод твоего брата в место с лучшими условиями, пока ты будешь идти к цели. Там ему обеспечат уход и не допустят ухудшения состояния, что немало важно в его случае, как я понимаю. Если мой протеже постарается оправдать мои ожидания, я на многое готов пойти ради него, – сказал мне Максим Романович в конце разговора. – Даже взять в семью, чтобы обеспечить должный уровень жизни. И, конечно же, помочь с личными проблемами.

* * *

Проходя мимо остановки, я затормозил. Всё равно, времени ещё до отбоя была куча, к ужину можно уже не торопиться, а мозги надо проветрить. Подумать.

Предложение тренера заманчивое, но... странное. Нет, я уверен, что не какой-то там извращенец, не в этом дело, просто... Хрен знает. Согласиться – что продаться.

Но любая работа “на дядю” – всё равно что продаться. Так что разница, наверное, не велика. А о работе на себя пока мне и думать нечего.

К остановке подъехал автобус, и я, недолго думая, запрыгнул внутрь. Маякнул кондуктору проездным и прошёл на дальнюю площадку. Ехать мне было несколько остановок, так что ждать, пока мне оттопчут ноги, и так горячие после четырёхчасовой тренировки, совсем не хотелось. Увалился на свободное место, но за мной прошла бабуля и остановилась, тяжело дыша и сверля обиженным взглядом. Я-то и не собирался уводить место у неё из-под носа, просто не обратил внимания сначала.

– Ничего, постоишь – молодой, – проскрипела она, тяжело опустившись на предложенное сиденье, и скривилась недовольно.

Да Бог с ней.

Я прислонился к задней стенке автобуса и включил наушники, уставившись в боковое окно. Молодая пара с коляской на тротуаре, толпа пацанов чуть младше меня – хохочут, фоткаются, кудрявая девчонка на остановке с испуганно выдирающимся из рук рыжим котом, какой-то чувак на мотоцикле проскочил почти на красный, а мажор на бэхе резко дал по тормозам, выругавшись, очевидно.

Я солгу, если скажу, что мне всего этого не хочется. Хочется, ещё и как. И с друзьями веселиться, с теми, кого душа выберет, а не с теми, чьи кровати в общей спальне рядом стоят. И девчонку такую вот кудрявую, чтобы смеялась беззаботно и смотрела с обожанием и честно, а не выбирала как “сильнейшего из стаи”, чтобы под крылом быть, защищённой. И котяру рыжего здорового и ленивого, чтобы под ногами путался. И мотоцикл. И бэху, мать её, тоже охранять как хочется.

И чтобы брат встал на ноги. Чтобы у него тоже всё это было. Племянников хочу, а не угасающий взгляд единственного родного в этом мире человека.

Автобус затормозил у нужной мне остановки, я выпрыгнул и поторопился перейти дорогу. Пришлось прилично ускориться, так как зелёный для пешеходов уже моргал. Забежал в магазин на углу. Денег было немного, но кое-что водилось, слава Богу, так что я купил зефир и колу, а потом помчал на пропускной.

– Ты же знаешь, что часы посещений уже закончились, – вздохнула Любовь Васильевна – дежурная санитарка приюта для инвалидов. – У нас тут и так нарушения режима бесконечные, а тут ты ещё бегаешь, когда вздумается.

– Ну Любовь Васильевна, – улыбнувшись, я положил ей на стол шоколадку. – Вы же знаете, что у нас там строго. Не всегда получается отпроситься.

– Ух, прохвост ты, Артурчик, – беззлобно покачала головой, – пробегай давай. И бахилы не забудь надеть!

Она положила “шарик” со свёрнутыми бахилами передо мной и открыла перегородку. Я натянул их на кроссовки и поторопился по лестнице на второй этаж. Больше недели не приходил, совсем времени не было за этими тренировками и окончанием учебного года.

Но уже подходя к палате брата, я остановился. *Она* была там.

Девчонка-волонтёр.

Впервые я встретил её тут около года назад. Невысокая, тоненькая, милая. Она мне чем-то напоминала мышку. Не потому что серая, совсем нет, просто лицо зауженное немного к подбородку и аккуратный нос почему-то придавали её лицу некоторую милую “мышиность”.

Она приходит сюда время от времени, приносит сладости, болтает с несколькими пациентами, в том числе и с Пашей. А я, если попадаю, то прячусь за дверь и наблюдаю.

Мышка такая вся... другая. Не такая, как знакомые мне девушки. Добрая, искренняя, открытая, дружелюбная. Вокруг неё нет теней, как вокруг других. Слишком светлая, чтобы знакомиться с такими, как я.

Но ведь никто не может мне запретить наблюдать за ней издали, радуясь, что в этом мире всё-таки есть такие, как она.

Я отошёл в сторону и продолжал наблюдать, как она улыбается Паше, как опускает глаза в книгу, что-то с выражением читает, а потом снова смеётся. И брат тоже смеётся. Хрипло, потом закашлявшись, но смеётся. А это дорогого стоит.

Взглянув на часы, Мышка с сожалением посмотрела на Пашу, закрыла книгу, положила её на тумбочку у кровати и, попрощавшись, взяла свою белую кофту и пошла к выходу.

Отступив за выступ стены, я отошёл в тень лестницы, чтобы она не напоролась на меня. Не знаю почему, но мне было важно остаться незамеченным. Пусть она будет маленьким светлячком в моей памяти, а я... просто парнем из тени, которого она так и не заметила.

Мышка упорхнула, а я, стукнув по дверной коробке, вошёл к Паше в палату.

– Сегодня у меня удачный день, – улыбнулся он и снова начал кашлять. – Привет... братишка...

Паша протянул мне подрагивающую ладонь, которую я крепко пожал, и кивнул на стул напротив, где только что сидела девушка.

За два года я так и не смог ни привыкнуть, ни смириться, что Пашка теперь такой. Худой, беспомощный, дряхлый, будто старик. Хотя каких-то два года назад Паша в порту работал на погрузке и мог троих уделать.

Троих, но не пятерых, как оказалось.

А сейчас я с каждым посещением вижу, что ему всё хуже. И не только физически. Он бодрится при мне, пытается улыбаться, но я-то всё вижу по его взгляду. Тухнет он, исчезает. Смириться не смог, но надежду потерял. Потому что понимает, сколько стоит его нормальная жизнь. А денег таких нам взять тупо неоткуда.

– Малой, ты опять шарисься, – брат сделал вид, что отругал меня. – Воспетка зад наде- рёт.

– Как-нибудь договоримся, – усмехнулся я в ответ. – А у тебя, смотрю, снова литератур- ные чтения были.

– Типа того. У Николь приятный голос. Ты хотя бы раз пришёл на пару минут раньше да познакомился бы. Девчонка хорошая, тебе такая в самый раз.

– Да ну о чём ты, Паш, – я встал, достал стаканы и наполнил их колой. Брату неполный, потому что из-за тремора он проливал. – Она и другого мира. Высшей лиги, если хочешь.

– А чем ты не заслужил высшей лиги?

Отвечать я не стал. Пашка уже расспрашивал меня, что я собираюсь делать после выпуска, и ему совсем не понравилась идея, что я не хотел учиться, а собирался идти работать. Надо было только решить вопрос с отсрочкой от армии, но с этим делом мне обещали помочь. Не бесплатно, конечно. Вот как раз по этому поводу мне должны сегодня позвонить были.

– Паш, мы это уже обсуждали, – ответил я, серьёзно посмотрев на брата, и он тоже понял, что речь тут уже не о девчонке шла.

Брат опустил глаза и сжал кулаки. Слабо, как смог, но я заметил, как натянулись жилы.

Нет, такой как Паша не должен жить вот так. Никто не должен.

И я обязан сделать всё, что в моих силах, чтобы поднять его.

Глава 3

– Якушев, зайди к заведующей, – сообщила мне воспитатель после завтрака. – Давай только сразу, там что-то важное.

Я напрягся. Срочные новости от заведующей – это редко когда хорошие новости.

– Ты куда? – спросил Петька, встречая меня в коридоре. – В школу не идёшь, что ли? Сегодня общий сбор всех выпускников и какие-то документы будем подписывать.

– К Мироновой вызвали.

– Что натворил? – ухмыльнулся друг.

– А хер знает. Что-то, видимо, натворил, – пожал плечами я.

– Ну давай, удачи, – он хлопнул меня по плечу и направился к выходу. – Жду на улице, если что, минут десять.

Кивнув Петьке, я направился к лестничному пролёту на второй этаж. Кивнул тётке Зине – бабуле-уборщице, тайно подкармливающей нас время от времени домашними пирожками, а потом постучал в дверь заведующей.

– Здравствуйте, – кивнул ей, войдя в кабинет после разрешения. – Вызывали, Татьяна Сергеевна?

Заведующая – строгая тётка лет пятидесяти. Дождаться улыбки на её лице дело нереальное. Мне кажется, я за два года так ни разу и не видел. Может, это выгорание профессиональное, особенно учитывая, где она работает, но есть ощущение, что её вообще в жизни всё достало. Наверное, работая в подобных заведениях, невозможно не очерстветь. Хотя те, кто тут с беспмятного детства, говорят, когда-то она была более отзывчивой.

– Заходи, Артур, – заведующая оторвала взгляд от бумажек на своём столе и посмотрела на меня, указав рукой на стул. – Присаживайся.

Я плюхнулся напротив Мироновой и приготовился слушать. По её лицу было сложно понять, по какому поводу она собиралась меня склонять, так что я весь превратился в сплошное внимание, сделав максимально невинное лицо.

– Артур, кое что произошло, – произнесла оно ровно. – Мне позвонили с опеки и сообщили, что на твоей улице был пожар.

– Так, – я напрягся. – Кто-то пострадал?

Близиких родственников у меня там не осталось, но была двоюродная бабка, мы не сильно общались и раньше, но тем не менее.

– Люди все живы, но пострадали четыре дома по улице. В том числе твой, – она вздохнула, я даже смог заметить где-то очень глубоко проскочившую тень эмоции – сожаления. – По факту – он сгорел дотла. Осталась часть стены от летней кухни и часть веранды. Остальное – пепел. Мне очень жаль, Артур, я тебе сочувствую.

Сочувствие.

“Я тебе сочувствую, мальчик” – сказала медсестра, когда не стало матери, и потрепала по волосам.

“Сочувствую, парень” – кивнул мент, пришедший утром к нам домой, когда избili брата, и я так и не дождался его после смены.

“Теперь тебе можно только посочувствовать” – сказала моя классная руководительница, когда меня забирали из школы в центр временного содержания.

Заебало это сочувствие.

Может, люди это говорят искренне, но я сомневаюсь. Это скорее чтобы не оставить неловкого молчания с собственной совестью. Сочувствуют, а внутри у каждого пульсирует мысль – хорошо, что это случилось не со мной.

– И? – переспросил, понимая, что она сказала ещё не всё.

Миронова замялась. Покрутила карандаш, а потом снова посмотрела на меня.

– Артур, ну что я могу тебе посоветовать... Сходишь в армию, может, там перспективы какие будут. Я вот спрашивала у представителя военкомата, они заберут тебя сразу после выпускного, так что переживать не надо.

– В смысле сразу заберут? Кто вас просил туда вообще звонить?

Я понимал, что расплёскивать эмоции в кабинете у заведующей – не самое разумное дело. Но, блядь, у меня совершенно другие планы!

– А что ты собираешься делать, Якушев? – тоже повысила тон Татьяна Сергеевна. – На вокзале ночевать будешь? Бомжом стать хочешь? Я звонила уже куда только можно за эти два дня, пыталась что-то выбить, но тебе ничего не положено, понимаешь? В спецжилфонде для тебя ничего нет! У тебя было закреплённое жильё, сохраняемое за тобой государством, Артур.

– Было да сплыло.

– После того, как тебе исполнилось восемнадцать. И я тут ничего сделать уже не могу, понимаешь? Ты теперь официально не сирота, а лицо из числа сирот. Не я пишу эти законы. Мне правда очень жаль, Артур, очень, поверь...

Внутри всё клокотало от ярости. Почему всё так несправедливо, блядь? Чем я наследил в прошлой жизни, что всё так валится?

– Я могу идти? – спросил я сквозь зубы, пытаюсь не взорваться эмоциями прямо тут у неё в кабинете.

– Иди, Артур, – кивнула Миронова. – И не спеши думать, что всё пропало. Армия молодым людям в подобной твоей ситуации может открыть очень даже неплохие перспективы, если подойти к этому с умом.

Я вышел в коридор и привалился к стене, ошутимо стукнувшись затылком. Надо было собраться и решить что делать, но мысли расплзались. Хотелось со всей дури приложиться кулаком в стену, до дрожи в пальцах буквально. Только что это даст? Что изменит?

Я забрал рюкзак в комнате и вышел на остановку. Набрал номер.

– Надо решать вопрос с армией быстрее.

– Привет, Артур, постараемся. Только это... цена уже другая. Сам понимаешь, сейчас проверки, то – сё. Как раз тебе сообщить собирался.

Сообщение с суммой капнуло на телефон через несколько секунд после завершения разговора. И я понял, что мне не потянуть. Это даже больше тех подъёмных, что мне выплатит государство на первое время и обустройство. А жить теперь негде.

Я не против армии в целом. Мало того, я бы хотел отслужить. Как Паша. Но у меня нет столько времени, это год потерять ещё, а потом всё равно всё с нуля. Нельзя. Пашкино состояние и так ухудшается.

Я сел на лавку в остановке и достал телефон. Мысли горели и лихорадочно скреблись в мозгу. Впасть в ярость или апатию я всегда успею, а сейчас нужно было думать, что делать.

И вариантов у меня было немного.

– Слушаю тебя, Артур, – Максим Романович ответил буквально после первого гудка.

– А если я не оправдаю? Если провалюсь, не смогу. Что тогда?

– Сможешь, Артур, если очень постараешься. Ты парень не только с ногами, но и с мозгами, так что всё зависеть от тебя будет, если ты примешь верное решение.

Время решений – так называла совершеннолетие наша воспитатель в детдоме.

“Там за стенами вам придётся всё решать самим: во сколько ложиться спать, во сколько вставать, что есть и как проводить досуг. Самим придётся выбирать друзей и спутника жизни, либо одиночество. Профессию, работу, образ жизни и политические взгляды, и ещё много чего придётся решать. Постоянно делать выбор и принимать решения. Это и есть взрослая жизнь”

Вот и мне нужно выбирать. Уже.

– Я согласен.

– Отлично. Завтра утром будь готов к переезду.

Глава 4

Переезд мы всё же решили перенести на неделю, пока я не заберу документы из школы. На выпускной детдомовцы не идут, у нас будет свой. Вот после него и перееду к тренеру. А он пока, сказал, утрясёт вопрос с моей отсрочкой от армии для поступления. Она и так положена, но Миронова постаралась, чтобы там ребята мною раньше озаботились. Хотела как лучше, но оказалось, что “услужила”.

Я выбежал из раздевалки на поле и начал разминаться. Щиколотку чуть тянуло после прошлой тренировки и надо было быть осторожным.

– Поехали, народ, – привычно махнул парням, чтобы выстраивались для пробежки на разогрев.

Обычно все ждали меня, и к выходу на поле тренера мы уже должны быть разогреты. Вот и сейчас парни выстроились колоннами, и мы медленно побежали по кругу на стадионе.

Погода сегодня радовала. Был небольшой ветерок, и градус не зашкаливал, а значит, после трени есть шанс остаться в живых. Если, конечно, тренера не переклинит заюзать нас до победного. Чтобы с поля выползли.

Помощник тренера вынес нам мячи и поочерёдно запульнул в бегущую колонну, мы подхватили и повели. Роскошин снова начал вилять и халтурить. Вот интересно, прошлый подзатыльник в раздевалке уже забылся? Не хочешь работать – вали на хер с команды, а то на игре потом думай о том, что он – дыра. Да ещё и в защите.

После пробежки мы остановились у снарядов за ограждением.

– Тянемся, – дал команду ребятам и начал растяжку сам. – Заканчиваем тут и на когнитивку.

Шумно дыша парни приступили к растяжке. Кто-то вытягивал голень, кто-то начал со ступней – тут нас тренер не ограничивал. Главное – разогреться к его приходу и основному комплексу.

– Слушай, капитан, – кивнул мне Роскошин, сказав довольно громко. – А правда, что Макс Романыч тебя пасынком берёт?

Было понятно, что рано или поздно тема всплывёт. И абсолютно неудивительно, что вытолкнул её именно Роскошин.

Мы переглянулись с Петькой, и тот тоже зыркнул на Роскошина.

– Типа того, – ответил я громко и прямо посмотрел на него. Я не собирался ужиматься или отмазываться. К чему?

– А ты, Сем, тоже хотел бы? – гикнул Толик Демьянов абсолютно беззлобно.

– У меня свои родители есть, – деланно удивился в ответ Роскошин.

Я давно научился не реагировать на такие поддевки. Ни в школе, ни где-либо ещё. Если сильно бесило или приходилось не к настроению – бил в табло. А настроение у меня не всегда было прекрасным, так что очень быстро подобные выкрутасы стали редко всплывать. А Семён, видимо, плохо выпался или где-то головой стукнулся, судя по всему, если решил начать меня драконить. А может, ему просто нравится огребать по роже. В последнем случае остаётся лишь понять человека и дать ему то, чего он так просит.

Но позже. Сейчас тренировка.

Кажется, парни тоже почувствовали, что атмосфера стала накаляться, и решили её немного разрядить. Стали посмеиваться между собой, но в совершенно ином тоне. Подобное, когда подколы дружеские, сразу ощущается.

– Эх, бли-ин, – протянул Валик Бондаренко, – это теперь к Никуле не подкатишь. Теперь у неё будет строгий братишка.

– Да ладно! – воскликнул его брат Лёха. – Он просто сам ею и займётся.

Парни начали ржать, а мне захотелось втащить им обоим. И Петьке, который к ним присоединился.

– Кто такая Никуля? – переспросил я, чтобы хотя бы в курсе быть, что эти придурки несут.

– А ты не знаешь? – выкатил глаза Валик. – Дочка тренера. Симпатичная цыпочка, но, как я слышал, высокомерная стерва.

– Да это ты от Аньки слышал, – перебил его брат. – Она тебя приревновала и оклеветала девчонку.

– Ну и что, что от Аньки? Они, девки, друг друга сразу видят насквозь. Я вот не сомневаюсь в её словах.

– Да ты понятно, – поржал Димка Рябов. – Тот ещё каблук, – а потом точно изобразил интонацию Валика: – Пацаны-ы, я с вами в клуб не пойду-у, мы с Аней договорились друг без друга не гуля-ять.

Бондаренко рассвирепел на такой театр и хотел пнуть Димку, пока все дружно хохотали, но тут послышался громкий окрик тренера:

– Лоботрясы! Что за ржач тут стоит вместо растяжки?! А ну упор лёжа принять!

Вообще, конечно, мой косяк. Как капитан, я должен сохранять в команде дисциплину, но иногда для того, чтобы среди ребят не было напряжения, надо его сбрасывать. Хотя, конечно, лучше делать это не на самой трене.

Уже в раздевалке после тренировки, когда почти все вышли, Дима Рябов снова подошёл ко мне.

– Слушай, Тур, тут это... – почесал он в сомнениях затылок. – Я давненько на тренерскую дочку заглядываюсь, но подкатить как-то стрёмно. Говорят, она правда так ещё зазнайка. Типа вся такая умница и правильная, но на поле с такими, как ты и я, срать не сядет.

– Диман, давай короче, – я поднял брови, посмотрев на него. – Чего ты хочешь от меня?

– Ну как бы... Если она тебе типа как сестра теперь будет, может, познакомишь?

– Я тебе что, сваха? Я о ней впервые услышал даже, а ты уже свести просишь. Девочек кого-то попроси – общих знакомых.

Димка смущённо развёл руками и кивнул. Ну просьба тупая, реально. Может, мне им ещё свечку подержать?

На следующее утро меня вызвала Миронова.

– Ну что ж, Артур, – она даже изобразила подобие улыбки. – Будем прощаться. Надеюсь, у тебя в жизни всё сложится.

Она протянула мне документы в папке и протянула руку. Я пожал и кивнул, а потом даже сказал пару слов благодарности. Выпускной прошёл, и завтра все совершеннолетние детдомовцы покинут заведение. А я уезжаю сегодня.

Вернувшись в комнату, закинул за плечо уже собранную сумку, обнялся с парнями, поцеловал на прощанье зарёванную Ритку, позволил любимой всеми нами воспетке таже потрепать меня за волосы, а потом спустился вниз и вышел за ворота, где меня уже на своём кружаке ждал Максим Романович.

– Готов? – спросил тренер, подмигнув.

Я пожал плечами, а он в ответ похлопал меня по плечу.

– Ну давай, залезай, Артур. Поедем домой.

Странно всё это. Непривычно. Хрен даже знает, как к этому относиться.

Хотя, как? Целеустремлённо. Мы с Максимом Романовичем заключили что-то типа сделки: я реализую его тренерские мечты, он помогает мне выйти в люди, так сказать. Пашка одобрил, только снова наехал, когда я сказал ему, что осталось недолго, и скоро мы вытащим его. Сказал, чтобы я не оглядывался, чтобы строил свою жизнь, но ведь он и сам понимает, что я не брошу его. Ни за что.

В тачке тренера, конечно, классно. Пахнет кожей, удобно. Я в таких никогда не сидел.

– Нравится водить? – он заметил, как я разглядываю руль и приборную панель.

– Не знаю, я не умею. Точнее, прав у меня нет.

– Так не умеешь или прав нет?

– Пашка учил меня, но мне тогда пятнадцать было. Кое-что помню, а так... У нас десятка была, а где сейчас – даже не знаю. Стащили, думаю.

– Ну с этим разберёмся. Лето впереди перед академией, как раз выучишься, права получишь, – с уверенностью сказал тренер. – Теперь ты мой протеже, Артур. Семья. И всё будет по статусу.

Хрен знает даже, как описать ощущения внутри, когда он мне всё это говорит. Радости особой нет, скорее ощущение, что кандалы набросили. Не люблю быть должен.

Минут сорок спустя мы подъехали к коттеджному посёлку, обнесённому забором и со шлагбаумом, на котором тренер приложил карту с пропуском.

Прикольнo. Честно говоря, я думал, такое только где-то на Рублёвке, а оказывается у нас тут тоже есть в городе. Хотя, кто знает, какой уровень жизни у семьи Максима Романовича. О том, что тренерская работа – не его основной доход, я слышал. Это так, хобби, для души да самолюбие почесать. А чем там реально они занимаются и какие возможности имеют, кто его знает.

– Приехали, – он остановился у одного из домов напротив гаражных ворот и кивнул мне выходить.

Я закинул сумку со своими пожитками на плечо и вышел из машины, аккуратно прикрыв дверцу. Не хлопнуть бы, это же не старая разваленная копейка деда или даже Пашкина десятка.

– Ну что, Артур, добро пожаловать домой, – Максим Романович положил руку мне на плечо, по-отечески приобняв и немного подтолкнув вперёд. – Пошли знакомиться.

Я кивнул, выдал улыбку и пошёл рядом с ним к порогу, стараясь сильно пока не глазеть по сторонам. Потом поразглядываю.

Мы вошли в небольшую веранду, а с неё в широкую светлую гостиную. Огромные окна от потолка до пола, блестящий паркет на полу, чуть дальше от двери белый диван, стеклянный столик с плетёными креслами.

Я такое убранство только в кино видел. Да, и плазму на стене такого размера тоже.

– Знакомься, Милана, это Артур. Артур, это моя жена Милана Авдеевна.

Навстречу мне из-под арки, ведущей, как я мог предположить, в кухню, вышла высокая стройная рыжеволосая женщина лет сорока в светло-бежевом брючном костюме. Она внимательно осмотрела меня и мягко улыбнулась.

– Добро пожаловать, Артур, – протянула руку и пожала мою своими длинными тонкими пальцами. – Надеюсь, тебе у нас понравится.

Трудно было вот так сразу определить, искренне она, или затея тренера ей пришлось не по нутру. Я видел таких, как она, которые приезжали к нам в детский дом в качестве благодетелей. Холодные и отстранённые, тепло улыбались только на камеру, позируя рядом с детьми помладше на фоне кучи подарков, а потом брезгливо мыли руки.

Но по первому взгляду на жену тренера было сложно сказать, одна из них она или действительно готова распахнуть мне свои объятия. Честно говоря, нужно быть очень наивным или просто тупым, чтобы поверить в последнее.

– Здравствуйте, – кивнул я, не зная, что сказать ещё.

– А вот и Николь, – женщина повернулась в сторону лестницы на второй этаж, и я проследил за ней взглядом.

С последних ступеней как раз спускалась девушка. Она сначала замерла, а потом подошла ближе и остановилась рядом с матерью. Розовое платье до колен, перехваченное белым

ремешком, русые волосы, собранные на затылке, огромные зелёные глаза, распахнутые и рассматривающие меня в упор.

– Привет, – сдержанно улыбнулась она, но как мне показалось, скорее из вежливости.

– Привет, – ответил я.

“Высокомерная стерва” – почему-то сразу вспомнилось.

Но царапнул меня совсем не этот взгляд. Другое.

Только что, кажется, разбился образ той нежной и милой девчонки, который я себе нарисовал, наблюдая за ней через стекло двери много раз в хосписе, пока она болтала с моим братом или читала ему книги. Потому что это была именно она.

Глава 5

Николь

– Это решение вышло неожиданным, Николь, – мама подошла ближе и, мягко улыбнувшись, заправила прядь волос мне за ухо. – Ты же знаешь, как твой отец всегда мечтал добиться успеха в тренерстве. А этот парнишка, по его словам, настоящий алмаз. Папа работает с ним уже два года, и дальше будет.

Я кивнула матери, не став спорить. Да и спорить не особенно хотелось. Признаться, я пребывала в растерянности. Сегодня утром я даже не подозревала, что в моей жизни произойдут изменения. Волновалась, когда мы с мамой поехали отвозить документы в университет. Столько усилий, работы на протяжении одиннадцати школьных лет, что даже жалко было так взять и отдать аттестат.

А когда приехали, меня поставили перед фактом, что теперь с нами будет жить папин протеже – парень-сирота из детского дома.

Наша семья всегда ратовала за благотворительность. Помогать людям – нормально, даже нужно. Я занимаюсь волонтерской деятельностью уже более трёх лет. Но когда один из тех, кому хочется помочь, теперь оказывается в твоей семье... Это немного... необычно.

Но мама сказала, что для папы это важно, а значит, важно и для всей нашей семьи.

– Я тоже не в восторге, Николь, но ты же знаешь своего отца, уж если он что-то себе надумал – его не переубедить, – сказала мама, расставляя на столе тарелки для завтрака в новом “семейном” составе.

Папа с этим парнем должны были приехать в одиннадцать, так что я помогла маме накрыть на стол и в десять тридцать ушла переодеться. Не в пижаме же встречать гостя.

Когда спустилась, отец и этот парень уже стояли в гостиной. Папа как раз представлял его маме, а потом представил и мне, когда подошла ближе.

– Привет, – вежливо улыбнулась я.

– Привет, – ответил парень весьма сдержано.

Наверное, я слишком пристально разглядывала его, что он в ответ даже прищурился на доли секунды. А всё потому, что он выглядел как-то расхоже с моими представлениями.

Я была в детских домах по волонтерской работе, плюс общественное мнение – и вот у меня ещё до встречи с парнем сложился образ. И образ этот отличался от того, что я увидела в реальности.

Да, одежда у него была простая, но совсем не старая ношено-переношенная. Не дорогая, но и не ветошь. Обычные синие джинсы, светло-серая футболка, кроссовки и небольшая дорожная сумка на плече.

И не было никакого затравленного взгляда, как и, собственно, наглого. Он не озирался по сторонам, разглядывая наш дом, как рассказывала моя одноклассница Настя о девочке, которую взяли под опеку её родители ещё в шестом классе. Она, со слов Насти, вообще оказалась странной, вроде бы даже воровитой, и Настины родители через полгода вернули её обратно в детский дом.

Но этот Артур совсем не выглядел так, как в обществе принято воспринимать выпускников детских домов. В мире царят шаблоны, и вот мой сейчас этот парень разбил.

– Прощу за стол, – улыбнулась мама. – Ты, наверное, голодный?

Я понимала, что мама ничего такого не имела в виду. Это просто выражение такое, его и другим гостям говорят, но сейчас оно прозвучало как-то двояко. Мне показалось, Артур тоже это уловил, но на его лице это никакими эмоциями не отразилось. Даже наоборот, он казался слишком сдержанным и безэмоциональным.

Мама тоже осеклась, но тут же снова мило улыбнулась и гостеприимным жестом пригласила на кухню.

– Руки можно помыть там, – кивнула она на раковину, а сама переставила горячее с рабочего стола на обеденный.

Папа помыл руки первым, за ним это сделал и Артур, а потом все расположились за столом. Было заметно, что парень чувствует себя напряжённым.

– Ты ешь, Артур, пообщаться ещё успеем, – сказал папа.

– Соус к мясу, кстати, готовила Николь, – зачем-то решила обратить на эту деталь внимание мама.

Потом они завели с отцом беседу. Папа говорил о длинной пробке, в которую они попали по пути, мама рассказывала в общих чертах, как мы с ней съездили в университет. Я чувствовала голод, даже положила в тарелку салат, но настроения на еду как-то не было.

Артур тоже положил себе немного еды и стал есть. Я со стыдом подумала, что слишком внимательно наблюдаю за ним. Дурацкий шаблон, где мне представлялся голодный детдомовский парень, активно начавший уплетать всё, до чего мог дотянуться на столе, тоже рвался. Глупо это, и мне было стыдно за такие предположения перед самой собой. Кроме того, тут наверное, зависит от характера человека и уровня его воспитанности. Вон Севка, мой друг, тот совсем не смущается увалиться к нам на чай, покрутить носом на предложенное, а потом ещё и чавкать, жуя.

В общем, мои представления о воспитаннике детского дома оказались неверными. По крайней мере, на первый взгляд.

Пока родители разговаривали, Артур ел молча, иногда поглядывая на них, а потом вдруг перевёл взгляд на меня и задержал его, снова чуть сузив глаза. Такой прямой, открытый взгляд в упор меня смутил, что я даже почувствовала, как потеплели щёки.

А сама разве лучше? Сидела и пялилась на него, кому такое понравится? Он не диковинная зверушка. Наверное, ему было неприятно, и он мог подумать обо мне нехорошо.

Это обеспокоило меня, и я даже растерялась, уткнувшись взглядом в свою тарелку. Есть перехотелось совсем, а по телу поползли какие-то противные мурашки.

– Нам пора ехать, – сказала папа, взглянув на часы. – Ника, покажи Артуру его комнату и что у нас где. Ему надо освоиться и отдохнуть.

Папа встал и поставил грязную тарелку в мойку, вытер руки и обошёл стол.

– Чувствуй себя как дома, парень, – он похлопал Артура по плечу. – Сегодня поваляй дурака, а завтра я свяжусь со спортивным врачом насчёт питания и начнём тренировки.

Мама тоже торопливо сложила посуду в раковину и попросила меня запустить посудомойку, а потом ушла за отцом, а мы с Артуром остались вдвоём. И чувствовала я себя при этом очень и очень странно.

Мы оба словно застыли за столом, пока родители в коридоре собирались. Есть мне совсем не хотелось, и я, чтобы тупо не сидеть, взяла стакан с водой и сделала несколько глотков. На Артура не смотрела, в поле зрения попадали только его руки, которыми он держал кусок хлеба и вилку.

– Спасибо, было вкусно, – сдержанно поблагодарил Артур и встал, едва только в коридоре щёлкнула дверь, закрывшись за родителями. – Вымыть тарелку можно здесь?

Он указал на кухонную раковину, собрав приборы и взяв в руки.

– Просто оставь в раковине, я уберу в посудомоечную машину, как сказала мама.

Он смотрел прямо и открыто, но у меня было ощущение, что от его взгляда веет ледяным ветром. Я будто застыла, ощутив даже напряжение в мышцах спины.

– Может, чаю хочешь? – спросила, перед этим незаметно сглотнув.

– Нет, спасибо.

Артур поставил тарелку в раковину, а потом всё же вымыл её, хотя я говорила этого не делать.

– Куда мне идти? – замер посреди кухни.

– Да, сейчас, – я будто очнулась, мелко вздрогнув.

Конечно, он же не знает, где что и как у нас тут и где находится его комната. Я резко поднялась, больно ударившись косточкой на ноге о ножку стула и, кажется, потратила всё своё самообладание на то, чтобы скрыть это.

– Конечно. Пойдём, я всё тебе покажу сейчас.

Стараясь не хромать, я обошла парня и кивнула ему идти за мной. Старалась держать спину прямо, но казалось, будто вот-вот ослабевшие почему-то колени подкосятся, и я растянусь прямо у Артура под ногами.

Дурацкое ощущение какое-то. Почему он с первых секунд так влияет на меня? Мама сказала, что отец доверяет парню, успел хорошо его узнать, а значит бояться его не нужно. Мой папа разбирается в людях, кого попало бы к нам в дом не взял.

Но это и не страх я ощущала. Скорее какую-то скованность, напряжение, хотя и непонятно почему. Я ведь у себя дома, я тут хозяйка.

Да, вот так. Я дома.

Я расправила плечи, едва ли не соединив лопатки, и уверенно прошагала к лестнице на второй этаж. Хотя едва ли не физически ощущала, как горело между этими самыми лопатками от взгляда парня.

Да, я действительно чувствовала этот взгляд, хотя и не могла сейчас его видеть. И мне хотелось как можно быстрее оказаться в своей комнате, остаться одной, выдохнуть, расслабиться и попытаться разложить у себя в голове, почему я так разнервничалась.

– Вот, – я остановилась у двери, – тут твоя комната. Дальше по коридору общая ванная, на первом этаже есть ещё одна. Там же внизу комната, оборудованная под спортзал. Кухня где – ты уже знаешь. Завтрак в восемь, обед в два, ужин в семь. Если дома – нужно быть. Так требует мама. Если захочешь есть в другое время – холодильник на кухне. Всё понятно?

Последний вопрос я лягнула и пожалела. Тон получился высокомерный какой-то, хотя ничего такого я не хотела. Просто случайно так вышло. Но парень, кажется, интонацию тоже поймал, потому что снова на мгновение прищурился, и градус его взгляда опустился сильно ниже, а губы едва заметно поджалась.

– Там у тебя на столе телефон и мобильный пакет. Активируй, а потом сообщи номер, пожалуйста. У нас принято всегда быть друг для друга на связи.

– У меня есть телефон, а номер у твоего отца в контактах.

Я замешкалась, удивившись. Интересно, разве в детских домах воспитанникам выдают мобильные телефоны? Но уточнять у Артура я, конечно же, не стала.

– Если что-то нужно будет, моя комната здесь, – попыталась я сгладить впечатление, но голос будто жил своей жизнью. – Только сперва стучи.

– Непременно постучу, – ровно ответил он.

Даже слишком как-то ровно. И я сделала вывод, что играть интонациями он умеет. В мельчайшем диапазоне. Вот вроде бы ответил без эмоций, а меня кольнуло снова этим льдом.

– Хорошо, – я натянула улыбку, отвернулась и ушла к себе, не дожидаясь его реакции.

Едва захлопнулась дверь, я привалилась к ней спиной и с усилием выдохнула через сомкнутые губы. Было ощущение, что я только-только сдала кросс на уроке физкультуры. И это было странно.

Нет, понятно, что присутствие в нашем доме ещё одного человека вносит изменения в жизнь, но собственная реакция тем не менее меня саму удивила.

До конца дня я просидела у себя в комнате. Классная руководительница, теперь уже бывшая, попросила меня нарисовать для школьного лагеря плакат, чем я весь день и занималась, но ловила себя на том, что прислушиваюсь к звукам в коридоре.

А потом приехали родители, и часа в четыре папа и Артур уехали к спортивному врачу, хотя планировали сделать это завтра.

– Борис Ильич завтра занят, так что съездим сегодня, Артур, – поставил перед фактом отец, а парень, пожав плечами, ушёл переодеваться, и через пять минут они уже уехали.

Ужинали мы с мамой одни, но я поймала себя на том, что будто бы нахожусь в режиме ожидания и время от времени поглядываю на дверь, виднеющуюся из гостиной.

Глава 6

Артур

Жрать по расписанию мне не привыкать, но объём, назначенный спортивным врачом, кажется запредельным. Вся эта фигня про килокалории, белки, жиры и углеводы, про объём воды в день и так далее показалась мне столь запутанной историей, что в черепной коробке аж сверлить начало. Я как представил, сколько это мне всего надо считать, но тренер успокоил, пояснив, что в будние дни у них дома еду готовит нанятый повар, и он подкорректирует общий рацион семьи под эти цифры, мне будет нужно лишь следить за объёмом порций и количеством воды.

Ещё взяли анализы и пообещали по их результатам прислать тренеру рекомендации по витаминным добавкам.

Что-то там врачу не понравилось в моём правом колене, и он отправил меня на рентген, но, изучив снимок, остался удовлетворённым, назначив перед тренировками в течение месяца наклеивать какие-то цветные полоски прямо на кожу вокруг колена.

Честно говоря, я представлял себе бесконечные тренировки до семи потов, и это меня не пугало, но и предположить не мог, что к этому приложится ещё столько сложностей.

– Ты во всём быстро разберёшься, Артур, – сказал Максим Романович, когда мы сели в машину. – Это поначалу кажется, что всё заморочено. Но я рядом, и постепенно ты вольёшься. На днях отвезём твои документы в Академию физкультуры и спорта, там уже ждут. Считай, ты уже зачислен. План тренировок команды и для тебя индивидуально составлю завтра и начнём.

Я кивнул и пристегнулся, пока тренер выруливал с парковки. Жить по режиму и не принадлежать себе я привык, с этим сложностей не возникнет, тем более, что цель впереди маячит вполне определённая.

Потом мы подъехали к какому-то частному дому и Максим Романович попросил его подождать немного в машине. Он ушёл, а я достал телефон и увидел сообщение от Петьки.

“Тур, что молчишь? Тебя там тренер с семейкой не сожрали на обед?”

Придурок.

“Пока нет. А ты как? Где сейчас?” – отослал я в ответ.

“У бати, где ещё”

“Он тебя хотя бы узнал?”

“Когда протрезвел”

Петьку забрали от отца-алкоголика, когда ему было десять. Мамка у него, как и у меня, умерла. Только у меня был Пашка, а вот у Пети не было такого близкого человека. Остался он с батей, который и до материной смерти бухал, а как не стало её, так совсем спился. Иногда Петю отпускали домой на день или даже на выходные, но он то с фиғналом возвращался – приветом от отца за длинный язык, который не мог сдержатъ, наблюдая дома притон, то хмурый такой, что по несколько дней ни с кем не разговаривал. Заведующей рисковать не хотелось, и она перестала Петьку отпускать. Но, как известно, даже к таким родителям, как отец Петрухи, дети тянутся. Потому что родные, потому что они есть. Лупят, орут, а всё равно свои.

Вот и Петька, раз разрешать перестали, просто сбежал. В итоге и от бати отхватывал, и потом воспитатели наказывали.

“Что дальше думаешь?” – решил спросить его.

Перед Петькой было неудобно. В команду взяли нас обоих, но Петька вот так пошёл по боку. Мы с ним говорили на эту тему, он дыбом встал, чтобы я не смел отказываться от предложения Максима Романовича. Чтобы даже не парился.

– Шанс, Тур, выпадает раз на миллион такой. Не тупи. Бери, раз дают, и не оглядывайся! – сказал мне Петя тогда, и это послужило ещё одним плюсом к решению.

Планы он свои озвучивал, но оно как за ворота выйдешь, кто знает, куда повести может. “Завтра поеду документы в училище подавать. На сварщиков набор вроде бы на стипендию. Кстати, как там твоя новая сестричка? Такая, как говорили Валик и Диман?”

И смайлик слюнявый. Кажется, даже рожу его представить могу в этот момент.

А вообще, вопрос о девчонке вызвал... странное ощущение. Захотелось плечами передрнуть и почему-то даже откашляться, как-то зашепотало противно в груди.

“Обычная, – написал я, почему-то почувствовав на Петьку раздражение. – До встречи, Петруха, мне пора бежать”

Бежать мне сейчас никуда не нужно было, но продолжать разговор с другом не хотелось. А потому что я сам не знал, что ему ответить.

Какая она?

Мысленно вернулся к сегодняшней встрече. Смотрела на меня, так, будто я зверушка из зоопарка.

Этот вздрнутый нос, поджатые губы, вся такая прямая, как струна. Не знаю, стерва ли она, как говорили, но уж точно высокомерная.

И зануда, судя по всему.

“У нас принято”, “мама требует”, “будь на связи”...

Ещё бы расписаться под сводом правил потребовала.

Красивая она, конечно, но, похоже, до мозга костей вся такая идеальная и правильная. Надменная и уверенная в своей правоте и привилегированности.

Может и хорошо, что образ Мышки оказался лишь образом.

– Заждался уже? – тренер вернулся и сел в машину.

– Да нормально.

– Ну и отлично. На ужин уже не успеем, что-то сами перехватим.

Я кивнул, дескать, как скажете, Максим Романович, и мы поехали домой.

В голове это “домой” прозвучало странно. Правильнее сказать – к нему домой.

Я завис, рассматривая количество кнопок на панели душевой кабины. Играть, честно говоря, с этими наворотами у меня желания совершенно не было, но поймать в морду снова резкую ледяную струю тоже не хотелось.

Следующее нажатие оказалось удачным, и у меня получилось настроить воду. Я закрыл глаза и расслабился. Прикольно, что спешить никуда не нужно было, что нет ожидающей своей очереди толпы, и можно в принципе помыться в одиночестве. Вообще побыть в одиночестве, чего в детском доме удавалось сделать редко.

Общая столовая, общая спальня, общая душевая, сортир с разделителями – и то хорошо. Побывать одному, остаться наедине со своим телом и мыслями – нереально. А так хотелось иногда. Максимум – сказать, чтобы не задалбывали и отвалили минут на тридцать, но и так сказать мог не каждый.

Вымывшись, я вылез и замотался в полотенце. Мягкое и пушистое, как когда-то были у нас дома, когда мама ещё была жива. Не такие, может, дорогие, но приятно-пахнущие, мягкие. С Пашкой мы, как ни старались, потом не могли в таком порядке дом содержать. Белое бельё через несколько стирок неумолимо становилось немного сероватым, а полотенца жёсткими. Нам вроде бы было нормально, не парило, но всё же такие мелочи иногда навевали саднящую печаль по матери.

Я подошёл к зеркалу и открыл шкафчик рядом. Жена тренера сказала, что тут я найду новые зубные щётки и другие средства гигиены.

Да, новые тут были – стояли в стеклянном стаканчике, запечатанные, а рядом на подставке ещё несколько электрических. Других членов семьи, как я понял. Чёрная с белым, красная с белым и ярко-розовая. Не стоит гадать, наверное, кому она принадлежит.

Я усмехнулся, взял себе щётку и захлопнул шкафчик.

Домашняя девочка-конфетка. Маленькая мамина-папина дочка. Уверен, отличница и активистка, наверное курсы там всякие театральные посещала, танцы, чем там ещё хорошие девочки занимаются.

Почему-то подумалось, что ванная-то на этаже одна, и она, вероятнее всего, пришлёпает сюда скоро сонная, в пижаме. Надо бы не забывать дверь закрывать, когда иду в душ. В детском доме это можно было делать только в сортире и то, когда не сломан был замок, так что привычка не запирасть двери может сыграть злую шутку.

Не со мной – с ней.

Я натянул шмотки, ещё раз плеснул ледяной водой в лицо и пригладил волосы. Непривычно как-то с новой стрижкой. Тренер меня вчера протащил через экзекуцию по полной программе.

Новые шмотки, обувь, парикмахерская. Девушка, которая стригла, очень пыталась мне впарить какую-то там процедуру для лица, чтобы потом не надо было бриться, но я заподозрил неладное и отказался. Не хватало мне ещё всяких там процедур.

– Не выпендривайся, Артур, – сказал тренер, оплачивая мне джинсы за сумму, на которую скромная семья могла бы месяц прожить. – Ты теперь часть семьи, и выглядеть должен соответствующе. Мы с тобой всё это обсудили. Твоя задача – мяч и команда. Ну и Академия, естественно. Когда мы выстрелим, ты поймёшь, к чему это всё.

Он так уверен, что я справлюсь, что оправдаю его надежды, что мне становится не по себе. А если нет? Если не получится? Что если тренер видит во мне то, чего на самом деле нет, если ошибается? Тогда я лишь упущу время. А этого допустить нельзя, значит, придётся вывернуться наизнанку, но стать тем, кем он хочет меня видеть, чтобы “забрать” свою часть.

Впереди ещё было много всего организационного. Контракт от тренера, он же не дурак просто так содержать меня и оплачивать уход Паше. Самого Пашку обещал, что к концу недели перевезут в другую клинику, где за ним будет присматривать нанятая сиделка, и назначат какие-то поддерживающие процедуры, чтобы к операции мышцы совсем не атрофировались.

И, блин, самое жуткое – фотосессия. Максим Романович сказал, что будет понемногу запускать пиар команды, нужны фотки для щитов. Это, конечно, капец, но что поделывать.

А ещё я хотел попросить его оставить в команде Петьку. А вдруг ему тоже повезёт и он вырвется.

Я вышел из ванной и вернулся к себе в комнату. Мышцы после утренней пробежки и водных процедур приятно вибрировали. Хотелось ещё позаниматься, но тренер сказал, что перегруз мне не нужен и точно определил сколько и чего в день нужно делать из физо. А пока пора было до завтрака напрячь мозги. Поступление в Академию физкультуры и спорта, по словам тренера, дело решённое, но учиться придётся самому. Я хоть вроде бы не тупой, но понимаю, что уровень знаний не дотягивает, а значит, придётся покорпеть над книгами. Русский и английский точно надо подтянуть. ЕГЭ по русскому я сдал неплохо, проходной балл набрал, честно говоря, сам не знаю как. Хотя, знаю – с сочинением-то помогли. Сам бы не написал. А вот в Академии так не выйдет, там надо самому мозгами шевелить.

Я открыл ноутбук, что стоял у меня на столе и включил его. Ещё одна дорогая игрушка, к которой даже прикасаться страшно. Система запустилась и я зашёл в браузер, стал искать сайты с таблицами правил и тренировочными заданиями.

Честно говоря, мозги начали закипать уже минут через тридцать. Никогда не понимал логики правил языка, а самое главное – исключений из этих правил. Эти корни гар и гор, где под ударением а, а без ударения следует писать о, а вот в корнях зар и зор – наоборот. Вот как такое можно запомнить? В чём логика? В чём, блин, отличие?

То ли дело математика. Там всё чётко и ясно, всё по формулам и законам. Знаешь формулу – знаешь решение.

Устав за эти полчаса сильнее, чем за сорок минут интенсивной пробежки и двадцать минут растяжки, я закрыл ноут и посмотрел на часы. До завтрака, определённого хозяйкой дома, оставалось ещё около получаса, и я решил пока спуститься вниз. Может, помочь с чем надо, а если нет, то просто выйду на улицу, осмотрюсь во дворе. Мне тут жить ближайшее время, надо знать что и как тут в целом.

Я вышел в коридор и направился к лестнице, когда услышал, как меня позвали. Оглянулся и увидел, что дверь в комнату Ники приоткрыта. Она махала мне рукой, приглашая войти.

Я передёрнул плечами.

В комнаты девочек входить нельзя. Это правило.

В комнату тренерской дочки – тем более. Это твёрдое правило. Важное. Железобетонное. Да и вообще...

– Доброе утро, – её мышиный нос показался в дверях, девчонка улыбнулась, а у меня в груди толкнулось раздражение. – Артур, зайди на минутку, пожалуйста, у меня есть для тебя предложение.

Блин, неужто папочка не объяснил тебе, что не нужно приглашать в свою комнату взрослых парней? Даже если они вроде как теперь в семье.

– Доброе, – отозвался я и, вздохнув, подошёл ближе, а потом и переступил порог, когда она отступила, пропуская.

Милая комната. Всё такое бело-розово-сиреневое. Как мне и представлялось, когда я наблюдал за ней в хосписе – мягкое пушистое покрывало на кровати, большой белый медведь посередине, огромная книжная полка.

Диссонанс какой-то. Не думаю, что она стерва, как сказали ребята из команды. Просто высокомерная кукла с синдромом отличницы.

На полу стояли коробки. Некоторые были закрыты, пара открыты. В одной были сложены тетрадки, альбомы, коробки карандашей, фломастеров, ещё какие-то канцелярские штуки, в другой какие-то коробки цветные, похоже, настольные игры или что-то в этом роде.

– Слушай, – начала она. – Я тебе уже говорила вчера, что занимаюсь волонтерством. Я и ещё девочки из нашей организации решили посетить за городом центр временного содержания детей, попавших в сложную ситуацию.

Идиотка. Одно дело сказки читать инвалидам в хосписе, совсем другое – таскать леденцы и цветные мелки шакалятам во Временку. Там же в основном неадекватны на передержке. Есть, конечно, дети, у которых что-то случилось с родителями, и пока их не передадут детским домам, они находятся во Временке. Но основной контингент этого места – те, кого изъяли принудительно, или от кого отказались приёмные родители, потому что не выдержали. Проблемные, сложные, когда таких к нам на постоянно забрасывали, их приходилось ломать заново под правила, которые они отчаянно соблюдать не хотели.

Временка – это не детский дом, не интернат, не дом малютки. Это перевалочный пункт, и чем дальше там находится кто-то, тем больше потом дыр в психике. Особенно у слабых.

Мой брат помогал таким. Надо ли напоминать, что с ним стало?

– Дурацкая идея, – ответил я, ощущая, что начинаю злиться на неё.

– Почему? – захлопала она глазами. – Помогать нужно всем.

Вот как ей объяснить?

– Им не нужны твои шахматы и фломастеры, сечёшь? Тем, кто ждёт решения опеки во Временке, насрать на настольные игры и красивые жесты.

– Это очень грубо, – девчонка вздёрнула нос и поджала губы. – Вот как раз таким, обездоленным, и надо помогать. И я хотела попросить тебя поехать с нами, ты бы мог что-то рассказать, собственным примером показать, что выбраться можно, что...

Не знаю, что она такого увидела в моём лице, но вдруг осеклась и сглотнула. И я очень надеюсь, что мои реальные эмоции не светились так открыто. Но я был зол. Чертовски.

– Я тебе что, цирковая обезьянка, чтобы таскать меня на выставки? – я сжал зубы, чтобы как-то сдержать прострелившую вспышку злости. Надо валить на хрен из её комнаты. – Найди себе другую забаву, Вероника.

– Я Николь!

Резко развернувшись, я быстро вышел в коридор.

– Да пофиг.

На хер завтрак, лучше пойду ещё на пробежку.

Глава 7

Николь

– Ну капе-е-ец, – возмущённо протянула моя подруга Ритка, когда я рассказала ей об утреннем происшествии. – Вот грубиян!

– Представляешь? – снова посетовала я. – И даже на завтрак не явился, хотя я ему говорила, что для мамы важно, когда все домашние собираются вместе за столом.

– Ну наглый. Вообще никакой благодарности! Вы его как щенка подобрали, а он ещё и хамит.

Честно говоря, хоть я и поделилась с Ритой своим негодованием, думать об Артуре, как о подобранном бездомном щенке, мне совсем не хотелось. Как-то это некрасиво совсем и несправедливо. Но чтобы не раззадоривать Ритку, я решила промолчать и сменить тему.

– Слушай, Рит, ну а ты уже определилась с университетом?

– Да что там определяться, – пожалала плечами подруга, махнула рукой и вытянула ноги, любуясь свеженьким ярким летним педикюром. – Подаю во все три, а там куда ближе к сентябрю захочется.

Рита Болгарская – моя подруга с самого первого класса. Мы подружились почти сразу, когда нас посадили первого сентября за одну парту. Я после линейки, когда нас повели в класс, потеряла из виду родителей и чувствовала себя очень растерянной, но тут девочка с двумя огромными белыми бантами на макушке и строгим взглядом крепко взяла меня за руку и сказала, что мы теперь будем держаться вместе. Кто она – на тот момент я не знала. Но как-то так и вышло. Вместе от самого первого звонка и до выпускного. И вот теперь, хотя мы уже были совсем взрослыми, было как-то не по себе от мысли, что рядом со мной в университете не будет Ритки.

– Или куда примут, – чуть попыталась опустить её на землю я, потому что Ритку, в силу характера, иногда заносило в суждениях.

– Примут-примут, – махнула рукой она и отпила из запотевшего ото льда стакана с колой. – А как не захотят, папа разберётся.

Да, иногда её заносит конкретно. Мы не раз с ней спорили на эту тему – что нельзя вот так кичиться перед другими своим положением. Не у всех есть возможности, как у родителей Ритки или моих, и помыкать этим других некрасиво.

– Кстати, – встрепенулась Ритка и расплылась в хитрющей улыбке, – у твоего папы же тренировка вроде бы как. Пошли на стадион, как раз и своего “братца” покажешь.

Вообще, я прекрасно поняла, зачем ей нужно на стадион. У папы есть помощник, Илья Викторович, на которого Рита уже полгода заглядывалась. Я ей неоднократно говорила, что идея эта глупая, и помощник тренера старше её на добрых десять лет, но подруга всегда отмахивалась.

“Ой, Ник, ну и что что на десять лет старше? А что, по соплякам-одноклассникам сохнуть? Не возбуждают...”

И даже то, что у Ильи Викторовича вообще-то была невеста, для Ритки не было аргументом.

– Может, просто погуляем? Погода классная, солнечно, – сделала попытку я, прекрасно понимая, что она обречена на провал.

– Ну вот именно – надо идти на стадион! – подхватила Рита, подскочила на ноги и расправила плиссированную лёгкую юбку. – Пошли!

Она ухватила меня за руку и вынудила подняться с паркета на набережной, где было так хорошо и удобно. Но Ритка есть Ритка, она и мёртвого поднимет.

Мы поймали такси и поехали к стадиону. Сказать откровенно, я почувствовала напряжение. Ну, если честно, перед толпой парней я всегда чувствовала себя неудобно, в отличие от подружки, которой только дай покрасоваться. А сейчас тем более, потому что там будет Артур.

После того, как он нагрубил мне сегодня утром, я сперва потеряла дар речи, а потом даже не сдержалась и расплакалась. Разве я как-то обидела его? Что плохого в том, что он бы рассказал этим несчастным ребятам, что жизнь на детском доме совсем не заканчивается, и если очень стараться, можно увидеть свет в конце туннеля. Как сам Артур. Папа ведь его в команду не просто так взял и протекцию тоже не просто так предложил. А за труды и старания. Так почему нельзя рассказать об этом другим и дать им хоть какую-то надежду?

Что он в этом услышал столь обидного, что в его взгляде в мою сторону плеснулись такие тёмные эмоции? У меня аж дыхание перехватило и мороз по спине прошёлся.

И он даже не запомнил моё имя! Назвал Вероникой, хотя мама при нём не одни раз звала меня полным именем – Николь. А может, это он сказал специально, чтобы показать неуважение.

Только вот за что?

Мотивы поведения этого парня были мне совсем непонятны и обидно цепляли. Но Рита права, надо идти на стадион. И то, что он там, не должно быть для меня помехой, потому что мне стоит привыкать к его присутствию в своей жизни.

Мы вышли из такси у стадиона, купили в кофейне рядом два больших рожка мороженого и бутылку минералки и пошли внутрь. Двери проходной днём в основном всегда были открыты, и на рядах на креслах можно было то там, то тут увидеть небольшие группки молодёжи. Студенты, школьники, молодые пары, да и кое-где и постарше в хорошую, солнечную погоду часто приходили сюда. Кто-то пообщаться, если не шумно, это не запрещалось, кто-то посмотреть на тренировки, или и то, и другое. Отец и другие тренеры считали, что публика спортсменам не мешает, им нужно учиться не отвлекаться от игры и привыкать к чужому вниманию.

Папа как раз вышел на поле, увидел меня и махнул рукой, поприветствовав. Мы с Ритой помахали ему в ответ.

– А где же мой Илюшенька? – невесело пробормотала Ритка. – А! Вон! Вижу!

Она расцвела, увидев помощника тренера, который упражнялся с парнями в углу поля, глаза заблестели, а на щеках появился лёгкий румянец.

А вот моё настроение поползло вниз, когда я увидела возле объекта Риткиного воздыхания нового члена нашей семьи. Если так можно назвать, конечно, но именно так и говорит папа.

Артур с ещё одним парнем разминали ступни чуть в стороне, о чём-то негромко переговариваясь.

– Эй, а ты чего насупилась? – Ритка сдвинула брови, глядя на меня. – А... точно! Слушай, покажи мне этого своего “братца”.

Это “братца” прозвучало странно. Но как вообще его называть перед другими? Не говорить же “парень из детдома”, да и “папин протеже” звучит так себе. Долго пояснять незнающим.

– Вон тот, – я постаралась незаметно кивнуть в сторону Артура. Ну не пальцем же тыкать, в самом-то деле. – С капитанской нашивкой, видишь?

Ритка посмотрела в указанном направлении, чуть прищурившись, а мне захотелось ткнуть её в бок, чтобы так явно не пялилась.

– Ого, – протянула она и поцокала языком. – А он ничего. Очень и очень даже, я бы сказала, ничего.

Ну, что сказать... В этом Рита Америку не открыла. Внешне Артур весьма привлекательный. Высокий, черноволосый, голубоглазый, с правильными, по-мужски тонкими, чертами лица. Девушки на таких заглядываются. Вот и Ритка глазами захлопала, даже про Илюшу своего позабыв.

– Обычный, – пожалала я плечами, стараясь подавить откуда ни возьмись появившуюся вспышку раздражения.

– Угу, – как-то быстро сдалась подруга. – Обычное некуда. И вон тот рядом с ним, коротко стриженный, тоже ничего так. Не знаешь, кто это?

Я обернулась, чтобы посмотреть, на кого кивнула Рита, и тут как раз Артур, продолжая заниматься, поднял глаза, и мы столкнулись взглядами. Да, всего лишь взглядами, да в общественном месте, где куча народу, но у меня было ощущение, что меня щёлкнули по носу, будто я подглядывала в щелку и была застигнута на этом. Тело тут же среагировало очень странно: лицо, шея и уши запылали, а сердце застучало быстрее.

Глупость какая-то! Ещё и Ритка со своей хитрой улыбочкой. Бесит! Вот пусть лучше Илюше своему так улыбается!

– Слушай, – я резко отвернулась, да так, что хвост, стянутый на затылке, шлепнул меня с другой стороны по лицу. – Помнишь, Катюха предлагала пижамную вечеринку? Думаю, пора ей напомнить.

– Отличная идея, – кивнула Рита и достала телефон.

* * *

– Ник, ну прости-и-и, – протянула Катя, сведя брови домиком. – Выручай! Пожалуйста-пожалуйста! Я не специально, просто дядя Саша вернулся из командировки раньше, а он не терпит, когда в доме кто-то есть чужой.

Мы с Ритой переглянулись и тяжело вздохнули.

– Офигенно, чё, – стрельнула недовольным взглядом в Катюху Ритка и, бросив традиционную подушку для пижамных вечеринок прямо на газон у подъезда к дому Кати, уселась на неё и швырнула рядом рюкзак.

Пижамные вечеринки сама Катя и придумала ещё три года назад, и с тех пор мы их проводили минимум раз в три месяца, собираясь впятером – я, Катя, Ритка и ещё две наши одноклассницы. У нас даже свои традиции сложились – пижама с собой, понятное дело, и подушка. У меня есть отдельная для этого случая, я даже сама на неё сшила наволочку и вышила крестиком инициалы.

Придумать-то придумала Катюха, но именно у неё мы собирались реже всего. Два года назад её мать вышла замуж, а отчим, как оказалось, очень не любил, когда к Кате или её младшему брату Вовке приходили друзья. И уж тем более с ночевкой. Дома потом были скандалы, дядя Саша кричал на Катюхину маму, что та распустила детей, а однажды, после того, как мы пришли к Кате в гости с двумя одноклассниками, назвал Катю ветреной шлюхой.

Ей было очень обидно, она проплакала несколько часов, а потом мать пошла на поводу у отчима и ещё и наказала Катю, запретив выходить гулять с друзьями целых две недели.

Но когда дядя Саша был в командировке, мама Кати не была против, чтобы мы к ней приходили, даже готовила нам всякие вкусности.

– Он должен был вернуться только в среду, а почему решил к выходным – непонятно, – печально пожалала плечами подруга.

– Ладно, Кать, все мы знаем, какой твой отчим мудака, – скривилась Ритка. – Блин, у меня сегодня тоже никак, у бабушки давление, мама просила не шуметь и по возможности всех рассосаться.

– У меня Лена, – пожалала плечами Олеся, имея ввиду свою новорожденную сестру.

Ну а Таню мы и дёргать не стали. У них проблемы у отца с бизнесом, он обанкротился и дом недавно опечатали, так что вся Танина семья из семи человек теперь ютилась на съёмной квартире. Там не до пижамных вечеринок.

– Сейчас позвоню маме, – вздохнула я, когда девчонки стали смотреть на меня с надеждой.

Мама, конечно же, оказалась не против. Они с папой сегодня как раз собрались на день рождения маминой двоюродной сестры и должны вернуться поздно. Но даже если бы и были дома, ни они нам, ни мы им не помешали бы. У нас с девчонками спокойные вечеринки, без алкоголя и прочего баловства. Рита пару раз предлагала пошалить, но я и остальные были против.

– Вызываем такси, – улыбнулась я и девчонки от радости захлопали в ладоши.

Через десять минут за нами приехали две машины такси, мы с девчонками и нашими подушками погрузились под удивлённые взгляды водителей, и через полчаса уже были у меня дома.

– Кстати, девчонки, – вспомнила Ритка, когда мы уже ввалились в гостиную. – Вы в курсе, что теперь у нашей Ники появился брат?

Эх, Ритка, кто тебя за язык-то тянул!

– Как брат? – похлопала глазами Таня. – Разве твоя мама была беременна? И ты нам не рассказывала?

– Да нет же, – Рита махнула рукой. – Сводный. Ну или типа того.

– Ой, как интересно! – зажглась Катя, которая очень любила всякие интересные истории. – Расскажи, Ник!

Да, деваться было некуда и пришлось бы девчонкам рассказать. Но я не успела. Замок на двери щёлкнул, и через несколько секунд в дом вошёл Артур. Он замер, глядя на нашу компанию с подушками под мышками с удивлением.

Он выглядел уставшим. Наверное, отец там их сегодня здорово гонял.

– Добрый вечер, – осторожно сказал он, будто мы его напугали, что, уверена, было совсем не так. А потом сбросил кроссовки, снял спортивную куртку и повесил на вешалку у двери.

– Добрый, – едва ли не хором ответили девочки, а Таня до самых корней волос залилась краской. Она вообще всегда робела и смущалась перед парнями так сильно, что даже я на её фоне казалась смелой и раскрепощённой.

Не знаю почему, но я чувствовала себя как-то глупо. Особенно меня раздражало, как девчонки пялились на Артура, будто в жизни своей парней так близко не видели. Да, Артур видный и привлекательный, но это же не повод вот так тарашиться на него.

– Ну пойдёмте уже, – скомандовала я. – Доставщик позвонит, как приедет.

Девчонки закивали и пошли за мной по лестнице на второй этаж, где находилась моя комната. Папа перед уходом успел достать нам матрасы, а мама простыни. Она обычно готовит ещё нам для пижамной вечеринки всякие вкусности, но сегодня мероприятие оказалось неожиданным, и нам пришлось обойтись заказом еды.

– Ну рассказывай уже, Ника! – заинтересованно сказала Катя, раскладывая простыню на матрасе.

– Что именно? – я сделала вид, что не понимаю, пока выбирала варианты фильмов для просмотра.

Сама не знаю почему, но я испытывала раздражение. Это ведь мои подруги, мы делились с ними своими секретами и переживаниями. Ближе всех, конечно, с Ритой, но с остальными тоже крепко дружим. Да и Артур не является ни моим секретом, ни переживанием, но почему-то подробно рассказывать девочкам особого желания не было. Да и рассказывать толком и нечего.

– Про своего сводного брата, о чём же ещё.

– Ну! – поддержала её Олеся. – Такое событие и мимо нас!

– Да никакой он мне и не брат, – высокомерие в собственном голосе меня и саму неприятно царпануло. – Это папин протезе. Он из детдома.

Кажется, девчонок такое превью заинтересовало ещё больше, потому что все они внимательно смотрели на меня, а Ритка ещё и с каким-то странным выражением во взгляде. В общем, отмазаться не получилось бы и пришлось им всё рассказать.

– Прикольно, – подняла брови Олеська, когда я закончила.

– Вот хам, – поддакнула Катя. – А по виду так и не скажешь.

– А мне кажется, и по виду вполне понятно, – пожала плечами Рита и снова как-то странно глянула на меня. – Самоуверенный красавчик, привыкший, что за ним девчонки все штабелями. Ещё и капитан футбольной команды. Но то что детдомовский – да, хреново. Мало ли какие они там, я много нехорошего слышала.

Мне больше не хотелось говорить об Артуре, и я постаралась перевести тему. Но разговор как-то особо не клеился, и мы решили включить фильм.

Кино оказалось довольно интересным, а вот роллы закончились быстро. Хорошо, что мы заказали достаточно, надо было лишь сходить за ними вниз на кухню. Мне как раз позвонила мама, и девчонки отправили за пополнением съестных запасов Таню. Она обычно предпочитала не спорить, чем доказывать, что не её очередь что-то делать.

С мамой разговор затянулся, потому что мобильная сеть почему-то барахлила, и поговорить удалось только с третьего дозвона. Я убедилась, что мы не голодные, и всё у нас замечательно, наша пижамная вечеринка идет по плану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.